

Из истории русской музыкальной культуры

Александр Звонов

ПРИКЛАДНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКИХ ВОИНСКИХ ПЕСЕН XIX ВЕКА

В современном музыковедении воинские песни XIX века до настоящего времени не были систематизированы с точки зрения их функционирования в быту. Жанр воинских песен начинает формироваться как самостоятельная ветвь фольклорного творчества еще в XVIII веке. Песенные сборники того времени содержали в себе песни, никак не систематизированные по их принадлежности к источнику песнетворчества, как, например, народная или крестьянская песня, городская баллада или романс, воинские, тюремные или революционные песни. Только в конце XIX века работе по вопросам жанровой дифференциации было уделено внимание Е. К. Альбрехтом и Н. Х. Весселем в «Сборнике солдатских, казацких и матросских песен» [1]. Авторы этого издания воинских песен, подготовленного после многочисленных полевых командировок, во время которых нотный и песенный тексты записывались от нескольких лучших запевал воинских подразделений, определили прикладную функцию некоторых песен. В этом же направлении работали также П. Ф. Егоров, Ф. М. Косинский, В. Н. Мантулин, А. А. Ресин и В. Т. Насонов, Е. С. Швидченко, дифференцировав в своих сборниках собранные ими воинские песни по родам войск. Хронологическую систематизацию воинских песен попытался провести их собиратель штабс-капитан Г. М. Попов в своем сборнике «Боевые песни русского солдата» [4].

Ценность этих исследований очевидна, но результаты аналитической работы, проведенной в них, на сегодняшний день недостаточны. Некоторые сборники, изданные в XX веке, преследовали цель сохранения армейского музыкального наследия, например, 2-х томный «Песенник российского воина» [16] В. Н. Мантулина, в котором материалы XIX века претерпели бережную авторскую обработку, не потеряв своих стилистических черт.

Сведения о казачьих песнях, многие из которых являлись по своей сути воинскими, были получены благодаря широкой деятельности таких известных собирателей, как А. Д. Бигдай, Н. Н. Голубинцев, А. А. Догадин, А. В. и В. Ф. Железновы, А. М. Листопадов, А. И. Мякутин, Н. Г. Мякушин, А. Н. Пивоваров, А. А. Савельев. Они первыми дифференцировали песенный репертуар казаков с точки зрения тематики и территории их распространения. Одним из наиболее значительных с точки зрения объема публикаций (более пятисот) стал труд известного собирателя кубанского фольклора А. Д. Бигдая «Песни кубанских казаков» [3].

Таким образом, опираясь на значительный научно-исследовательский фундамент в области изучения воинской песни, автор данной работы предпринял попытку систематизировать репертуар воинских песен XIX века с точки зрения тематики, образной сферы, а также их прикладной функциональности.

В русской армии XIX века особая роль была уделена воспитанию новобранца как преданного приверженца православной веры, с одной стороны, и политических интересов монарха — с другой. Идеологические установки способствовали формированию у воинов русской императорской армии преданности своему Отечеству и воле политического руководства страны. С раннего детства у военнослужащих вырабатывалось «слепое» подчинение командованию: в кантонистских школах¹ у детей низших воинских чинов, в кадетских корпусах — преимущественно у детей дворян и духовенства. В дальнейшем вся жизнь солдат и офицеров проходила в атмосфере веры в Бога и царя. «Устав военных учебных заведений II класса» прямо указывает на необходимость беспредельной веры государю и беспрекословного подчинения старшему начальству [24, 17] будущих молодых офицеров, которые обязаны были того же требовать от подчиненных им впоследствии нижних чинов.

Эти идеи нашли свое отражение в текстах большинства воинских песен XIX века. Именно поэтому воинские песни религиозно-монархической (термин В. С. Цицанкина [25]) направленности играли важную роль в воспитании военнослужащих. Тексты таких песен содержали в своих строках обращение к царю как к отцу всех русских людей, помазаннику Божьему, защитнику слабых и грозному уничтожителю всякой несправедливости, умереть за которого — честь для воина. Например, в песнях «За Царя, за честь и славу», «Слава вам, герой севера», «Не труба трубит» содержались такие фразы: «за русскую державу с радостью они умрут <...> торжествуй, Романов дом!» [6, 25], «Велик Бог российский на небе, Александр наш на сей земле!» [4, 173].

Близкими к религиозно-монархическим песням по тематике были и духовные песнопения, исполнявшиеся в русской армии XIX века ежедневно. Церковные хоры воспитывали представления о таких качествах, необходимых военному, как терпение (в преодолении тягот армейской службы), воля, уверенность в истинности своей религии: «Дева днесь» [16, 22–23], «Житейское море» [16, 23], «В церкви» («много ниспослано ей [Руси — коммент. автора статьи] испытаний и много еще предстоит пережить» [16, 25]) и другие.

Воспитательное значение имела деятельность строгой цензуры, не допускавшая к публикации тексты, которые могли быть истолкованы в ущерб религиозному или политическому авторитету. Э. С. Литвин в своей вступительной статье к «Историческим песням XIX века» отмечал, что «идеологическое воздействие» сказывалось в изменении издателями «опасных» мест [11, 7]. Н. Николаев в журнале «Разведчик» от 1897 года пишет о том, что «скабрзные» песни «совершенно вывелись» из репертуара солдат [14, 599].

Рассмотрим подробнее песню «Не труба трубит» [4, 160–163]. В песне рассказывается об историческом событии 1612 года — освобождении Москвы от польских интервентов. Она имеет *воспитательное значение*, так как способствует формированию у русских воинов мужества и отваги. В тексте повествуется о том, что одними из первых готовы сражаться высшие сословия общества — бояре и дворяне, причем не щадя своей жизни: «Наши деды как шли за родину, так и мы теперь за нее идем; рады головы за нее нести!» [4, 161]. Необходимо отметить, что царь в песне обращается к народу ни с позиции власти, как жесткий монарх, а как уверенный в своих силах и вместе с тем по-отечески любящий своих солдат военачальник, что, безусловно, вызывало у исполнителей уважение и преданность государю: «Уж ты, батюшка православный Царь! <...> Ты отец будешь сиротам по нас!» [4, 161].

Следует отметить использование архаизмов в способе стихосложения. Нерифмованные двухстопные строки пятисложного месомакра соединялись с мелодией из трех фраз, основанной на интонациях русской городской песни XIX века. Повторенная вторая поэтическая строфа придавала всему куплету песни трехчастную структуру. Куплет выглядит следующим образом: запев и дважды повторенный припев. Подобные сочетания сложных стоп и простых мелодико-метрических напевов были характерны для эпических и исторических воинских песен императорской армии. Такие песни воспитывали в военнслужащих патриотизм, мотивировали на героические поступки и воинские подвиги.

Мелодическое своеобразие этой песни заключается в сочетании призывных кварто-квинтовых интонаций и пунктирного ритма с напевностью, выраженной в поступенном движении мелодии (пример 1).

Пример 1. «Не труба трубит». Запев

Не скоро
запевала
тихо

Не тру - ба тру - бит звон - ка зо - ло - та,

Необходимо заметить, что мелодико-поэтическая строка запевалы имеет более существенное значение в разворачивании сюжета песни, чем строка, исполняемая хором, несмотря на то, что текст хора повторяется дважды. Это

становится очевидным, если рассмотреть первые строки куплетов: «Ой вы, русские добры молодцы! <...> Надевайте вы сабли вострыя, <...> Есть-ли Минины и Пожарские? <...> Лишь успел наш Царь слово вымолвить <...> То народ к Царю весь стекается <...>» [4, 160–163]. Вторые строки не имеют связного повествования и выполняют лишь пояснительную функцию: «Вы седлайте все ретивых коней <...> Что идет злодей на святую Русь <...> Нам тогда снимать наш булатный меч <...> Врага лютаго, кровожаднаго <...> Не река течет, не волна шумит <...>» [4, 160–163].

В партии хора преобладает танцевальный характер вокализации поэтического текста. Сдержанный темп, приглушенная динамика и мажорный лад напева способствуют созданию у слушателей светлого и оптимистичного настроения (пример 2).

Пример 2. «Не труба трубит». Припев

Музыкальный пример 2. Припев песни «Не труба трубит». Музыка записана для хора (голос и бас) в 2/4 такта, мажорный лад. Динамика обозначена как *очень тихо*. Текст песни:

Не скоро
хор
очень тихо
Как воз-го-во-рит пра-во-слав-ный Царь, как воз-го-во-рит пра-во-слав-ный Царь.

Вся методология воинского воспитания была направлена на укрепление боеспособности русской армии, поэтому немало песен было сочинено на тему боевого товарищества, в которых воспевались взаимовыручка и преданность воинскому долгу всеми военнослужащими подразделения. Особую группу с точки зрения тематики составляют песни, содержащие в своих текстах призывы к действию. В исторических сведениях о традиции ведения боевых действий с пением упоминаются такие знаменитые полководцы, как А. В. Суворов и И. В. Гурко². Известен эпизод из истории русско-турецкой войны 1828–1829 годов, когда успешный штурм крепости Ахалцих Ширванским полком 15 августа 1828 года [4, 224–226] происходил под песню «Ой, во поле липонька стояла» (здесь и далее в тексте сохранена орфография оригинала).

Песни, поднимавшие воинов на победу и сопротивление вражеским силам, назывались боевыми. Их функцию можно определить как *мотивирующую* на поднятие боевого духа. Основное смысловое зерно, как правило, отражено уже в названии песен: «Бей врага ты смелей» [6, 85–86], «Война! К оружию!» [15, 64], «Вперед и под знамена» [4, 350], «Знают турки нас и шведы» [4, 372–373] (сл. С. Н. Марина; исполняли 19 марта 1814 года, когда русские войска вошли в Париж), «Вперед, славный русский полк» [2, 22], «Пойдем, братцы, за границу» («Пойдем, братцы, за границу бить Отечества врагов <...> между славными местами устремимся дружно в бой...» [18,

95]), «Друзья, под знамя соберемся» («умрем со славой, иль вернемся — на лаврах дома отдохнуть. За честь родной земли мы ляжем все, до единого, в бою... <...> Нам Царь и Вера дороги» [15, 96]).

Во время масштабных и кровопролитных войн (Кавказские войны, несколько антифранцузских коалиций) особое значение имели песни, рассказывавшие о воинском долге, о героях войн прошлого и современности. Их функция была направлена на осуществление *идеологической связи различных поколений* населения Российской империи. Например, «Мы снова надели мундиры отцов» («сумеет прославить драгун молодцов; спасибо, нам старые скажут» [16, 51]). О гордости за свое воинское подразделение и пройденном славном боевом пути, готовности не уронить, а приумножить число подвигов полка говорилось также в текстах песен об истории воинской части, например, «Мы — Гомборцы» («Как, бывало, мы сражались и в Чечне, и в Кабарде, нам немало удивлялись, шли мы первые везде <...>. Мы поддержали нашу славу, наша рота без труда на врага пойдет с отвагой, как в минувшие года» [22, 19–20]).

В песне «Братья! Все в одно моленье» («Песнь Дворянского полка») [16, 23] отражена идея сохранения памяти поколений. На это указывают кульминации в мелодии напева, приходящиеся на слова: «день поминовенья», «нетленные скрижали», «сохранять воспоминанья», «к этим строкам новы строки» (пример 3).

Пример 3. «Братья! Все в одно моленье»

Andante maestoso (M.M. ♩=84)

f marcando *ff*

ны - не день по - ми - но - вень - я

The image shows a musical score for a vocal line. It is in 3/4 time, marked 'Andante maestoso' with a tempo of 84 beats per minute. The score is in G major (one sharp) and features a key signature change to A major (two sharps) for the final measure. The dynamics are marked 'f marcando' and 'ff'. The lyrics are: 'ны - не день по - ми - но - вень - я'.

Данное сочинение было весьма популярно в российской армии XIX века, чему немало способствовала удобная для запоминания силлабо-тоническая ритмика стиха (3-й пеон). Традиционным для русских воинских песен XIX века является упоминание монарха в образе высочайшего наставника:

Вот каким деписаньем
Царь-Отец нам повелел
Сохранять воспоминанья
Православных ратных дел [16, 23].

Плавная линия мелодии сочетается с возвышенностью текста виватных песен (пример 4).

Пример 4. «Братья! Все в одно моленье»

Andante maestoso (М.М. ♩=84)

mf

Бра - тья! Все в од-но мо - ле - нье ду - ши рус-ски-е соль - ём.

The image shows a musical score for a song. It consists of two staves: a treble clef staff on top and a bass clef staff on the bottom. The time signature is common time (C). The tempo and mood are 'Andante maestoso' with a metronome marking of ♩=84. The dynamic marking is 'mf'. The melody is written in the treble staff, and the accompaniment is in the bass staff. The lyrics are written below the treble staff. The lyrics are: 'Бра - тья! Все в од-но мо - ле - нье ду - ши рус-ски-е соль - ём.'

Песенные тексты, содержавшие в себе тему надежды солдат на то, что их дети продолжат дело, начатое отцами (службу Царю и Отечеству, борьбу с врагами православной веры), наставления родственникам после смерти военнослужащего, раскрывали идею преемственности поколений. К таким песням относились, например, «Ах, кончен бой» («Будем дома отдыхать <...> детей наших поучать как Царю Отцу служить <...> как Россиюшку любить <...> как за веру постоять <...> себя миру показать, как Россиюшку прославить» [6, 125]), «Ты прощай, не жди меня» («Подрастает у нас дочь, выдавай за казака, пусть для батюшки Царя родит в свет богатыря! А подыметесь наш сын, справится и сам один; будет он казак лихой и, как я, пойдет на бой» [2, 328–329]).

Следует заметить, что в русской императорской армии исполнялись не только современные песни, но и написанные в более раннее время, в том числе былевые песни о богатырях и старины, что свидетельствует о сохранении национальных традиций. Подобные тексты приведены в сборниках народных и воинских песен Г. М. Попова, П. В. Киреевского, В. П. Авенариуса, А. И. Мякутина, Н. Г. Мякушина и других собирателей.

Не менее важную функцию — психологической и эмоциональной разгрузки — выполняли песни любовной тематики, причем как печальные (смерть любимого человека, измена, расставание), так и радостные. О любви девушки к офицеру рассказывала песня «Ой, на горе калина» («Офицерик молодой <...> возьми меня с собою <...> спать на ручку положу <...> а другою обойму» [17, 7–8]), о плутовском характере моряка — «Что за жизнь моряка» («Ты, моряк, уедешь в море, а меня оставишь в горе; скажешь: “Милая, прощай и как звали поминай”» [6, 215]). Песня «Ты не плачь, не горюй» («Я твою ли слезу на груд и унесу — и она в вихре сечь будет сердце мне жечь» [6, 51]) повествует о расставании солдата и его возлюбленной, «Не плачь, не плачь, красавица» («друг твой на войне <...> носится он по полю на вороном коне <...> друг в сырой земле» [6, 53–54]) — о смерти возлюбленного воина. Песня «Нет! Не звезда с небес упала» («дева юная увяла <...> о друге плачет и тоскует <...> твой друг совсем не изменил <...> свою он голову сложил» [6, 92–93]) — о тоске девушки по другу, «Вот скрылось

солнце за горою» («стоит казачка у ворот и в дальний путь глядит с тоскою <...> “Велят милого позабыть <...> дождусь, дождусь, дружок придет, в живых меня он не застанет, в могиле он меня найдет”» [8, 98–99]) — о смерти жены от разлуки, «Настала священная брань на врагов» («Долго в грусти ждет она казака младого <...> “Отдалась другому я с клятвой роковой”» [4, 423–424]) — об измене жены.

Психологическую разгрузку военнослужащим также обеспечивали песни о родном доме, возвращении к родственникам, шуточные и даже разбойничьи (бунтовские) песни, удалые по характеру и способные улучшать эмоциональное состояние.

Светлый и спокойный характер отличает песни о родине, отчем доме, родственниках и любимых людях: «Ой, там, за Дунаем» («Та й на свою Украину, та на свою Украину хоч раз подывлюся» [3, 47]), «Почему, соловейко, рано не щебечешь?» («Ой, пусти меня, батька атаман, из кордону до дому, бо покинул я дивчину, не вручив никому» [3, 54]), «Ай да ты, калинушка» («молодой солдат домой просится, ах да, офицер-майор, отпусти домой <...> ко жене молодой <...> к отцу с матерью» [17, 6]) (вариант песни без трагического конца), «Есть далеко сторона» («что за чудный этот край, что к нему как будто в рай сердце просится, летит, что душа по нем болит, что люблю его так я? Край тот родина моя» [6, 67]). Подобные песни характеризуются лирическим настроением, кантиленной мелодией и распеванием акцентных мор стопы (пример 5, 6).

Пример 5. «Ой, там, за Дунаем»

Умеренно

Ой, там, ой, там за Ду - на - ем, та за ты-хым Ду - на - ем

Ой, там за Ду-на - ем

Detailed description: This is a musical score for the song 'Oy, tam, za Dunayem'. It is written in 2/4 time with a key signature of two sharps (F# and C#). The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter rest, followed by a quarter note 'Ой', an eighth note 'там', a quarter note 'ой', another eighth note 'там', a quarter note 'за', an eighth note 'Ду', a quarter note 'на', a half note 'ем', a quarter note 'та', an eighth note 'за', a quarter note 'ты-хым', a quarter note 'Ду', a half note 'на', and a quarter note 'ем'. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a treble line with chords and moving lines.

Пример 6. «Ай да ты, калинушка»

Плавно, не спеша

Ай да ты, ка-ли - нуш - ка, ты, ма-ли - нуш - ка, ай, да ты не стой, не стой,

Detailed description: This is a musical score for the song 'Ay da ty, kalynushka'. It is written in 7/4 time with a key signature of two flats (Bb and Eb). The tempo is marked 'Плавно, не спеша' (Ad libitum). The score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter rest, followed by a quarter note 'Ай', a quarter note 'да', a quarter note 'ты', a quarter note 'ка-ли', a quarter note 'нуш', a quarter note 'ка,', a quarter note 'ты,', a quarter note 'ма-ли', a quarter note 'нуш', a quarter note 'ка,', a quarter note 'ай,', a quarter note 'да', a quarter note 'ты', a quarter note 'не', a quarter note 'стой,', a quarter note 'не', and a quarter note 'стой,'. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a treble line with chords and moving lines.

Возвращение домой с войны, маневров или учения — не всегда радостное событие. Иногда обстоятельства складывались неудачно для военнослужа-

щих — смерть родственников или измена жены усиливали трагизм военной службы. Но в большинстве своем воинские песни, сложенные о возвращении на родину, имеют веселый характер: «Ну, ребята, марш домой!» [15, 90–91], «Славно нам бы возвратиться во Россиюшку домой» [4, 347–349]; «Ах, кончен бой» [6, 125] и другие.

Военная тематика XIX века включала и шуточные песни, которые исполнялись наряду с другими, военно-бытовыми, во время досуга, а также некоторые из них звучали во время марша воинских подразделений: «Под окном моим солдаты» [15, 36], «Ну, малышка, выходи» [12, 151–154], «Грянем песенку семьей родной» [6, 55–56] и другие.

Далеко не все шуточные песни исполнялись в мажорном ладу. Так, например, бытовая песня «Ой, що там за шум» [17, 20] записана в *a-moll* (пример 7).

Пример 7. «Ой, що там за шум»

Скоро

Ой, що там за шум у-чи-нив-ся, що ко-мар да на му-се о-же-нив-ся.

Как правило, шуточный эффект проявлялся в словах куплета с помощью неожиданной метафоры, гиперболы, сравнения, чрезвычайного сжатия событий во времени, иногда элементов сарказма. Например, в рассматриваемой песне под «комаром» угадывается нерасторопный молодой жених, а далее сопоставляются высокое положение в обществе и неудачная судьба героя песни:

*Ехали дорогой енералы,
Они того комарика трошки прозивалы.
Ехал той дорогой пан полковник,
Та й пытает що лежит за покойник [17, 20].*

Наиболее общие черты для шуточных песен — это танцевальный характер мелодии, равномерно-акцентный способ организации словесного текста и напева, подвижный темп. Исполняются шуточные пени как во время умеренного марша, так и досуга. В исследуемой песне свободный стих, часто со смежной рифмой, не имеет стройной структуры акцентов, количества слогов или стоп в строке. Но благодаря тактовому способу организации мелодии, встречному ритму и внутрислоговому распеванию куплет приобрел целостную структуру, легко запоминающуюся на слух. Однако, казалось бы, простая восьмитактовая периодическая структура

мелодии усложняется за счет расширения путем повторения первых двух тактов, поющих в унисон. Востребованность данной песни подтверждается тем, что она исполняется и в настоящее время.

Шуточные песни порой приобретали черты скоморошских куплетов, что, естественно, становилось предметом внимания старших командиров. Если в регулярной армии строго следили за цензурой воинских песен, то в иррегулярных войсках, таких как казахи, допускалось исполнение разбойничьих и бунтовских песен, например, «За Уралом, за рекой» («В поле разъезжают; все добычу стерегут, свищут, не зевают» [4, 430–431]), песни о предводителях восстаний и бунтов Е. И. Пугачеве («Ох ты, батюшка, Ленбург город» [10, 80–81]) и С. Т. Разине («На зоре то было, братцы, на утренней» [10, 49–50]).

В военных песенниках XIX века содержались заупокойные (похоронные) песни, исполнявшиеся полковыми хоровыми коллективами. Функция песен при погребении заключалась в смягчении горя. Согласно траурному биографическому очерку И. И. Красовского, при погребении генерал-адъютанта Н. В. Мезенцова были привлечены певчие Семеновского полка [13, 17]. В Кавказском военном песеннике была опубликована песня на смерть генерал-лейтенанта А. А. Тергукасова, командира Первого кавказского армейского корпуса, «Совершился приговор судьбы неумолимой» [12, 115–116]. Песня неизвестного композитора с поэтическим текстом ирландского поэта Ч. Вольфа «Не бил барабан» [20, 89] в переводе русского поэта И. И. Козлова получила широкое распространение в войсках во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов при погребении военнослужащих.

Исполнение песен о тяжелом быте воинов помогало военнослужащим не только поделиться горестными чувствами и страхом перед неопределенным будущим, но и почувствовать себя неодинокими в подобных страданиях, уже переживавшихся другими героями сражений в прошлом, о которых упоминали песенные тексты. О безрадостной службе кавказского солдата говорится в песне «Земли, полуднем раскаленной» («я лишний гость на этом пире, где собрались пить и есть» [12, 22–24]), о внезапной смерти воина повествует песня «На горы улегся туман» («сидел один из воинов унылый <...> ему взгрустнулося по милой <...> на утро <...> уж дружина не нашла в своих рядах певца-героя!» [12, 49–50]), о трудностях армейской службы — «Скучно мне на чужой стороне» («В чистом поле страх и горе <...> день намокнешь дрожись, ночь от страха не спишь» [1, 20]).

Немало воинских песен повествуют об особенностях военной службы и деятельности военного и политического руководства России XIX века. Их функцию можно определить как *информационную*.

Исторические песни, рассказывающие о событиях XIX века, имели особое — информационное — значение, так как в основной своей массе военнослужащие нижних чинов не имели образования (70 % в первой половине и 50 % к концу XIX века были не образованы до поступления на военную

службу). На военно-исторические темы нередко слагались полковые, разбойничьи и песни о героях войн. Боевой путь воинского подразделения часто отражался в песнях, например, в «Песне 12-го Драгунского Стародубовского полка» («Дрались под Миром и под Красным, дрались в бою Шевардина, воспоминанием ужасен французам день Бородина» [16, 47]); о смерти предводителя бунтовщиков С. Т. Разина рассказывается в песне «Схороните меня, братцы, между трех дорог» («между московской, астраханской, славной киевской» [18, 18–19]); о храбром и легендарном воине Л. Л. Коренном — «Мы помним дядю Коренного» («Сам Бонапарт его прославил, приказ по армии отдал; в пример всем русского поставил, чтоб Коренного каждый знал» [1, 47]). Таким образом, певцы и слушатели могли сформировать представление о том или ином воинском формировании, о военно-политической обстановке в стране.

Важную информацию содержат в своих текстах воинские песни, повествующие о маршрутах передвижения войск. Анализируя текст песни «Семьдесят шестого году прошла молва по народу», можно воссоздать следующую картину: в 1877 году, при мобилизации войск на царицынском сборном пункте, обеспечение вновь прибывших военнослужащих не производилось («десять дней там простояли, свои деньги проедали»); кавалерию перевозили на Кавказ железнодорожным транспортом от города Царицын (нынешний Волгоград) через города Ростов-на-Дону и Владикавказ, далее кавалерийские войска от Владикавказа до турецкой границы (гора Кызылтау) передвигались своим ходом и приняли Авляйр-Аладжинское сражение с турецкой армией, укрепившейся на высотах Большие и Малые Ягны; сражение закончилось в пользу русской армии — «семь иль восемь тыщ военных сдалось турок одних пленных» [5, 45, 72–74]. К подобным песням относятся также и «Славно нам бы возвратиться во Россиюшку домой» [4, 347–349], «В славном городе Коканде» [5, 49, 82].

В настоящее время подобные образцы военно-музыкальной культуры по-прежнему актуальны для исторических исследований. В песнях, выполнявших информационную функцию, освещались события антикрепостнических движений крестьян и казачества, рассказывалось о протестах казаков в связи с установлением новой системы управления войском, произволе местных чиновников в аракчеевских военных поселениях, материальных и бытовых трудностях, с которыми неминуемо сталкивались воины Российской империи. Например, в песне «На синеньком на море» («Во Кронштатской гавани <...> сорок песенничков <...> “Что Ракчеев шельма был, — много жалованья брал” <...> он палаты себе клал <...> не хуже <...> государева дворца» [19, 185–186]) освещаются коррупционные действия генерала А. А. Аракчеева, которому безгранично доверял император.

Несмотря на твердую цензурную политику, проводившуюся в России, широко были распространены и так называемые «запрещенные» песни, например, чрезвычайно популярная «Царя требуют в сенат» [11, 6–9], в которой использован сюжет неудачного заговора против царя.

Тяжелые условия службы и невысокое денежное жалование препятствовали популярности военной службы в народе, но в то же время ветераны многочисленных войн, в которых участвовала Россия в XIX веке, пользовались заслуженным почетом и уважением в обществе. Для укрепления веры народа в мощь своей армии военное командование часто использовало публичные выступления полковых певческих хоров во время народных гуляний и торжеств. В этом контексте воинские песни выполняли *коммуникативную* функцию.

Во время праздничных мероприятий празднования победы в русско-турецкой войне гренадеры в конце августа 1878 года исполняли новые боевые солдатские песни под бубен во время больших театрализованных гуляний в саду Эрмитаж, такие как «Ну-ка, братцы гренадеры, споем песню про себя», «Рассказать вам чепуху или просто враки?» и другие [21, 3].

Исполнители воинских песен выступали и на юбилейных празднествах в честь 800 лет Рязани и 600-летия со времени кончины св. Василия епископа Рязанского (1895)³. Военное пение звучало и во время ежегодных летних Ходынских гуляний.

Певческое военное искусство помогало укреплять и международные связи. Писатель И. А. Гончаров, служивший на фрегате «Паллада», вспоминал в своем путевом дневнике о том, что во время его пребывания в Британской колониальной Кафрарии между русскими моряками и местными белыми жителями проводились песенные «баталии» во время совместной трапезы, способствовавшие повышению настроения и созданию дружеской атмосферы. Обычно исполнялись сочинения русского фольклора («Ах вы сени») и воинские («Не бил барабан»), британские и итальянские народные песни [9].

Коммуникативной функцией, обеспечивающей эмоциональное единство внутри воинского коллектива, обладали песни о боевом товариществе и славных боевых подвигах. Как правило, такие песни содержали в своих текстах информацию об истории подразделения, его победах и способах ведения боевых действий.

Писатель В. М. Гаршин в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» упоминает об использовании в солдатской среде воинских песен, особенно на марше. В каждом походе полк исполнял «свою доморощенную песню: “Как приехал белый царь, Александра государь. Вы, ребята, подтянитесь, пред царем подбодритесь!” и так далее, стихов пятьдесят» [7, 27].

На сегодняшний день многие наиболее популярные воинские песни XIX века вышли из употребления («Платов у француза», «Царя требуют в сенат», «Станем, братцы, в круговую», «Усы гусара», «Черные гусары», «Не красив куринец с виду», «В леса беги, моя семья», «Слава нам, смерть врагу», «Вот корабль — наш господин», «Вспомним, братцы, про былое», «Грянем, братцы, песню», «Егерь ростом невелик», «Нутко, братцы, егеря», «Ну, ребята, марш домой», «Ура! Гвардейские уланы!», «Панянка» и многие другие). Но некоторые из старинных песен не утратили своей акту-

альности и в XXI веке, например, «Славны были наши деды», «Было дело под Полтавой», «Вспомним, братцы, Русь и славу» («Вспомним, братцы, россов славу»), «Солдатушки, браво, ребятушки», «Грянул внезапно гром над Москвою», «Бородино» («Скажи-ка, дядя»), «Взвейтесь, соколы орлами», «Двадцать третьего апреля» [23, 79–103] и другие⁴.

В процессе функционально-прикладной систематизации воинских песен XIX века автором этой статьи были выделены различные с точки зрения тематики, образной сферы, а также выполняемых функций группы песен: *воспитательные, мотивирующие на поднятие боевого духа, осуществляющие идеологическую связь разных поколений, а также психологическую разгрузку, информационные, коммуникативные.*

В настоящее время досуговое пение представлено в основном концертными выступлениями профессионально подготовленных музыкальных и творческих коллективов в местах дислокации воинских частей. Вследствие практической ценности, минимальных экономических и трудовых затрат на хоровое исполнение воинских песен военнослужащими автор данной работы считает необходимым пропаганду совместного пения не только в армейских коллективах, но и в гражданском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбрехт Е. К., Вессель Н. Х.* Сборник солдатских, казацких и матросских песен. СПб.: изд. И. Юргенсона, 1886. 105 с. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bx0000469/view> (дата обращения: 18.02.2020).
2. Антология военной песни / сост. и автор предисл. В. И. Калугин. Москва: Эксмо, 2006. 800 с.
3. *Бигдай А. Д.* Песни кубанских казаков / ред. В. Г. Захарченко. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1992. Т. 1. 440 с.
4. Боевые песни русского солдата с прибавлением песен бытовых: Сборник 183-х военно-исторических песен для 4-голосного муж. хора / собр. и с голоса на ноты положил Г. М. Попов. — 3-е изд., испр. и значит. доп. СПб.: В. Березовский, 1902. 436 с.
5. Былины и песни астраханских казаков / соб. и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань: Астраханское казачье войско, 1911. Вып. 1. 112 с.
6. Военный песенник, заключающий в себе триста военных песен / сост. Г. А. Савков. Москва: изд. А. Д. Преснова, 1891. 216 с.
7. *Гаршин В. М.* Из записок рядового Иванова: о походе 1877 года. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1887. 64 с. URL: [az.lib.ru /g/garshin_w_m/text_0028.shtml](http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0028.shtml) (дата обращения: 20.04.2020).
8. *Гиппиус Е. В.* О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII — начале XIX века // Советская этнография, 1948. № 2. С. 86–104.
9. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. Москва: Азбука, 2018. 800 с. URL: https://librebook.me/fregat_pallada/vol1/2 (дата обращения: 17.02.2020).
10. Донские казачьи песни / соб. и издал А. Н. Пивоваров. Новочеркасск: тип. Донской газеты, 1885. 153 с.
11. Исторические песни XIX века / отв. ред. В. Г. Базанов, подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 283 с.
12. Кавказский военный песенник / сост. Д. С. Натиев. СПб.: склад у В. А. Березовского, 1895. 217 с.
13. *Красовский И. И.* Генерал-адъютант Николай Владимирович Мезенцов. 4 августа 1878 года. Москва: тип. И. И. Родзевича, 1878. 44 с.

14. *Николаев Н.* Красное Село // Разведчик / ред.-изд. В. А. Березовский. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1897. №№ 350–376, С. 583–1174.
15. Новейшие песни русские, живые, молодецкие. Исполняемые г.г. Макаровым-Юневым и мног. друг. известными артистами и любителями хорового пения. СПб.: тип. Е. Поздняковой, 1883. 96 с.
16. Песенник российского воина 1683–1983. Сборник военных, солдатских, казачьих, военно-морских, юнкерских и кадетских песен, а также церковных песнопений и гимнов, наиболее употребительных в Российских Императорских Армии и Флоте с английскими переводами для четырехголосного мужского хора «а капелла» / сост. и аранж. В. Н. Мантулин. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1970, 1985. 220 с.
17. Песни нашей армии. 18 песен, записанных в армии в период 1914–1915 гг. С. П. Орловым и Ф. Н. Щегловым для муж. хора с перелож. для фортепиано. Москва: изд. П. Юргенсона, 39 с.
18. Песни оренбургских казаков / соб. А. И. Мякутин. Оренбург: тип.-лит. Б. Берлина, 1904. Ч. 1. 162 с.
19. Русские исторические песни. Хрестоматия / сост. В. И. Игнатов. Москва: Высшая школа, 1985. 223 с.
20. Русские песни / сост. И. Н. Розанов. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 404 с.
21. Русские солдатские песни из последней войны // Московские ведомости. Москва: тип. Московского Императорского Университета, 1878. № 260 от 14 окт. 1878 г. С. 1–4.
22. Сборник кавказских военных песен / соб. М. П. Колотилин. Тифлис: лит. К. И. Месхиева, 1907. 68 с.
23. Сестры солдатские. Сборник строевых песен / сост. В. К. Кузнецов. Москва: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. 106 с.
24. Устав для военно-учебных заведений второго класса. СПб.: тип. Гл. Штаба Его Имп. Вел. по военному поселению, 1830. 187 с.
25. *Цицанкин В. С.* Музыкальная культура российского офицера: вторая половина XIX века. Москва: Типография Военно-дирижерского факультета при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, 1995. 100 с.

REFERENCES

1. *Albrecht E K., Wessel N. H.* Sbornik soldatskikh, kazatskikh i matrosskikh pesen. Sto pesen [Collection of soldier's, Cossack's and sailor's songs. One hundred songs]. Saint Petersburg: tipografiya V. Balashova, 1875. Vol. 1. 86 p.
2. *Kalugin V. I.* Antologiya voennoj pesni [Anthology of military songs]. Moscow: Eksmo, 2006. 800 p.
3. *Bigday A. D.* Pesni kubanskikh kazakov [Songs of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. Vol. 1. 440 p.
4. *Popov G. M.* Boveye pesni russkogo soldata s pribavleniem pesen bytovykh, Sbornik 183-h voenno-istoricheskikh pesen dlya 4-golosnogo muzh. hora [Combat songs of a Russian soldier with the addition of household songs, Collection of 183 military-historical songs for a 4-voice husband choir]. Saint Petersburg: tipografiya V. Berezovskij, 1902. 436 p.
5. *Dogadin A. A.* Byliny i pesni Astrahanskikh kazakov [Epics and songs of the Astrakhan Cossacks]. Astrahan': Izdanie Astrahanskogo kazach'ego vojska, 1911. Vol. 1. 112 p.
6. *Savkov G. A.* Voennyj pesennik, zaklyuchayushchij v sebe trista voennykh pesen [War songbook containing three hundred military songs]. Moscow: izdatel'stvo A. D. Presnova, 1891, 216 p.
7. *Garshin V. M.* Iz zapisok ryadovogo Ivanova: o pohode 1877 goda [Notes of Private Ivanov: about the campaign of 1877]. Saint Petersburg: tipografiya I. N. Skorohodova, 1887. 64 p. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0028.shtml (date of application: 20.04.2020).

8. *Gippius E. V.* Russkie narodnye pesni: Pesennik [Russian folk songs: Songbook]. Leningrad: Iskusstvo, 1943. P. 86–104.
9. *Goncharov I. A.* Fregat «Pallada». Ocherki puteshestviia [Frigate «Pallada». Essays on travel]. Moscow: Azbuka, 2018. 800 p. URL: https://librebook.me/fregat_pallada/vol1/2 (date of application: 17.02.2020).
10. *Pivovarov A. N.* Donskie kazach'i pesni [Don's songs of Cossacks]. Novocherkassk: tipografiya Donskoj gazety, 1885. 153 p.
11. *Bazanov V. G.* Istoricheskie pesni XIX veka [Historical songs of the XIX century]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1973. 283 p.
12. *Natiev D. S.* Kavkazskij voennyj pesennik [Caucasian war songbook]. Saint Petersburg: sklad u V. A. Berezovskogo, 1895. 217 p.
13. *Krasovskij I. I.* Generalad'yutant Nikolaj Vladimirovich Mezencov: 4 avgusta 1878 goda [Adjutant General Nikolai Vladimirovich Mezentsov: August 4, 1878], Moscow: tipografiya I. I. Rodzevicha, 1878. 44 p.
14. *Nikolaev N.* Krasnoe Selo [Red Village], Razvedchik [Scout]. Saint Petersburg: tipografiya Trenke i Fiusno, 1897. No. 350–376, P. 583–1174.
15. *Pozdnyakova E.* Novejshie pesni russkie, zhivye, molodeckie. Ispolnyaemye g.g. Makarovym-Yunevym i mnog. drug. izvestnymi artistami i lyubitelyami horovogo peniya [The latest songs are Russian, popular, well done. Performed by mr. Makarov-Yunev and many others famous artists and lovers of choral singing]. Saint Petersburg, 1883. 96 p.
16. *Mantulin V. N.* Pesennik rossijskogo voina 1683–1983: sbornik voennyh, soldatskih, kazach'ih, voenno-morskih, yunkerskih i kadetskih pesen, a takzhe cerkovnyh pesnopenij i gimnov, naibolee upotrebitel'nyh v Rossijskih Imperatorskih Armii i Flote s anglijskimi perevodami dlya chetyrekhgolosnogo muzhskogo hora «a kapella» [Songbook of the Russian warrior 1683–1983: collection of military, soldier, Cossack, naval, Junker and cadet songs, also Church chants and hymns most used in the Russian Imperial Army and Navy with English translations for the four-voice male choir «a Cappella»]. New York, 1985. Vol. 1–2. 220 p.
17. *Orlov S. P., Shcheglov F. N.* Pesni nashej armii: 18 pesen, zapisannyh v armii v period 1914–1915 gg. dlya muzh. hora s perelozh. dlya fortepiano [Songs of our army: 18 songs recorded in the army in the period 1914–1915 for men's choir with piano]. Moscow: izdatel'stvo P. Yurgensona, 1915. 39 p.
18. *Myakutin A. I.* Pesni orenburgskih kazakov [Songs of Orenburg Cossacks]. Orenburg: tipo-litografiya B. Berslina, 1904. Vol. 1. 162 p.
19. *Ignatov V. I.* Russkie istoricheskie pesni: Hrestomatiya [Russian historical songs: Chrestomatiya]. Moscow: Vysshaya shkola, 1985. 223 p.
20. *Rozanov I. N.* Russkie pesni [Russian songs]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1952. 404 p.
21. Russkie soldatskie pesni iz poslednei voiny [Russian soldier songs from the Last war]. Moskovskie vedomosti [Moscow newspaper]. Moscow: tipografiya Moskovskogo Imperatorskogo Universiteta, 1878. No. 260, 14th oct. 1878. P. 1–4.
22. *Kolotilin M. P.* Sbornik kavkazskikh voennykh pesen [Collection of the Caucasian war songs]. Tiflis: tipografiya K. I. Meskhieva, 1907. 68 p.
23. *Kuznecov V. K.* Syostry soldatskie: sbornik stroevykh pesen [Soldiers' sisters: collection of military songs]. Moscow: Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony USSR, 1972. 106 p.
24. Ustav dlya voenno-uchebnykh zavedenii vtorogo klassa [Regulations for second-class military schools]. Saint Petersburg: tipografiya Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voennomu poseleniyu, 1830. 187 p.
25. *Tsitsankin V. S.* Muzykal'naya kul'tura rossijskogo ofitsera: vtoraya polovina XIX veka [Musical culture of the Russian officer: the second half of the 19th century]. Moscow: Tipografiya Voennodirizhyorskogo fakul'teta pri Moskovskoj gosudarstvennoj konservatorii im. P. I. Chajkovskogo, 1995. 100 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кантонистские школы — учебные заведения начальной военной подготовки в воинских формированиях. Некоторые гарнизонные школы и военно-сиротские отделения, созданные еще при Петре I, в XIX веке были переименованы в школы кантонистов. В них готовили для российской армии образованных военнослужащих из числа солдатских детей.
- ² РГВИА: Ф. 400. Оп. 3. Д. 2469. Л. 40.
- ³ РГВИА, Ф. 400. Оп. 3. Д. 2357. Л. 88.
- ⁴ Ряд воинских песен XIX века был использован автором статьи при подготовке макета военного песенного сборника по указанию заместителя Министра обороны Российской Федерации — начальника Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника А. В. Картаполова в 2019 году, а также при подготовке плац-концерта для выступления духового оркестра курсантов военного института (военных дирижеров) Военного университета 29 августа 2020 года перед Главным храмом Вооруженных Сил Российской Федерации.